

Сю Эжен

Семь смертных грехов

Том 2. Сладострастие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э28

Э28 **Эжен С.**
Семь смертных грехов: Том 2. Сладострастие / Сю Эжен – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-519-76123-9

ISBN 978-5-519-76123-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЛАДОСТРАСТІЕ.

I.

Дворецъ l'Ellysée Bourbon (нѣкогда отель маркизы де-Помпадуръ) въ центрѣ предмѣстья С. Оноре, былъ обращенъ въ новѣйшее время *) (какъ всѣ знаютъ) въ меблированный отель для иностранныхъ Королевскихъ Высочествъ 'католическихъ, протестантскихъ и мусульманскихъ, отъ принцевъ германской конфедераціи до Ибрагима Паши включительно.

Въ концѣ іюля, одного изъ прошедшихъ годовъ, нѣсколько молодыхъ секретарей и дворянъ изъ свиты е. к. в. эрцгерцога Леопольда-Максимиліана, который уже шесть недѣль жилъ въ l'Ellysée Bourbon, собрались въ одной изъ дежурныхъ залъ дворца.

— Долго-же продолжается смотръ на Марсовомъ полѣ, въ честь е. к. в. — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Аудіенція эрцгерцога будетъ очень многолюдна сего дня.

— Дѣло въ томъ — продолжалъ другой, — что пять или шесть человѣкъ, ждуть уже болѣе получаса.

— Монсенъоръ, съ своей строгой военной точностью, будетъ очень недоволенъ, что невольнo заставилъ ждать себя.

*) Этотъ разсказъ написанъ до Февральской революціи.

Одна изъ дверей залы отворилась и юноша лѣтъ 20, принадлежавшій къ дому принца прошелъ черезъ залу въ смежный апартаментъ, поклонившись съ видомъ застѣнчиво-благосклоннымъ присутствующимъ, которые встали при его появленіи, оказавъ ему такимъ образомъ, нѣкотораго рода уваженіе, котораго, казалось, не требовали ни его возрастъ, ни его служебное значеніе.

Когда онъ вышелъ, одинъ изъ дворянъ возобновилъ разговоръ и намерялся на молодаго человѣка только что промелькнувшаго по залы, сказалъ:

— Бѣдный графъ Францъ... все такой же застѣнчивый! Дѣвушка въ 15 лѣтъ, по выходѣ изъ монастыря, имѣетъ больше самоувѣренности чѣмъ онъ...

— Кто повѣритъ, что этотъ дѣвственно-скромный юноша, воевалъ такъ отчаянно храбро, цѣлыхъ три года, на Кавказѣ!..

— И вышелъ побѣдителемъ изъ кровавой дуэли которую имѣлъ въ Вѣнѣ!

— Миѣ, господа, всегда представляется, что графъ Францъ наносилъ удары черкесамъ скромно потупивъ свои глаза.

— Впрочемъ, кажется е. к. в. очень доволенъ простодушіемъ своего...

— Чортъ возьми!.. безъ нескромности, мой милый.

— Да дайте-же кончить. Я говорю что монсеньоръ очень доволенъ простосердечіемъ своего крестника.

— То-то же!.. И я думаю, подобно вамъ, что принцъ не безъ страха смотритъ какъ этотъ прекрасный юноша подвергается искушеніемъ проклятаго Парижа. Чему же вы улыбаетесь, мой милый?

— Такъ.

— Развѣ вы предполагаете, что графъ Францъ, не смотря на свою очевидную невинность имѣлъ кое какія интрижки?

— Вотъ видите, господа, къ какимъ прекраснымъ предположеніямъ можетъ подать улыбка... потому что беру васъ въ свидѣтели, я удовольствовался только одной улыбкой...

— Нѣтъ, серьезно мой милый, развѣ вы полагаете, что графъ Францъ?..

— Я ничего не полагаю... ничего не говорю и буду нѣмъ какъ дипломатъ, интересы котораго требуютъ молчанія... или какъ молодой прапорщикъ въ первый разъ въ строю подъ командой монсеньора...

— Дѣло въ томъ, что принцъ обладаетъ такимъ взглядомъ, который внушаетъ самымъ смѣлымъ. Но возвращаясь къ графу Францу...

Разговоръ былъ прерванъ сослуживцемъ молодыхъ людей находившихся въ дежурной залѣ.

Графъ Францъ былъ забытъ и два или три голоса разомъ спросили у вновь вошедшаго.

— Ну! что ваше чудо?

— Каковъ знаменитый заводъ предмѣстья С. Марсо?

— По крайней мѣрѣ стоитъ ли его осматривать?

— Для меня, господа, какъ любителя постройки всякаго рода машинъ, отвѣчалъ вновь вошедшій, сегодняшнее утро было полно живѣйшаго интереса и я положительно объявляю, что г. Шарль Дютертръ, (владелецъ завода) одинъ изъ самыхъ искусныхъ и ученыхъ механиковъ, какого я когда либо встрѣчалъ... и кромѣ того самый пріятный человѣкъ; я рассчиты-

ваю даже пригласить е. в. осмотрѣть эти мастерскія.

— И благо вамъ, мой милый, васъ нельзя упрекнуть въ тратѣ времени по пустому; что касается меня, то мои претензіи не такъ возвышенны и даже, пока ограничиваются только надеждою...

— Надеждою на что?

— Получить приглашеніе на обѣдъ къ славному доктору Гасперини.

— Самый знаменитый, самый глубокомысленный обжора въ цѣлой Европѣ!...

— Говорятъ дѣйствительно, что его обѣды образчикъ рая -- обжоръ...

— Не знаю, увы! попаду ли я въ этотъ рай какъ и въ другой, но надѣюсь...

— И я откроюсь въ своей слабости! Изъ всего, что я видѣлъ въ Парижѣ, меня особенно очаровалъ... обворожилъ... ослѣпилъ... восхитилъ... и даже настабилъ...

— Ну... это?

— Это... (хотя бы подобное богохульство покрыло краскою стыда всю нашу цѣломудренную и гордую Германію) это...

— Да кончай же!

— Это балъ Мабиль.

Смѣхъ и восклицанія вызванные этимъ откровеннымъ признаніемъ еще не затихли, какъ въ комнату вошелъ одинъ изъ секретарей принца съ двумя письмами въ рукѣ и весело воскликнулъ:

— Господа, самыя свѣжія новости изъ Бомбони и Венеціи!..

— Bravo, милый Ульрихъ!.. какія новости?

— Самые курьезныя, самыя необыкновенныя въ свѣтѣ.

— Право?

— Скорѣе... рассказывайте же ихъ намъ.

— Сперва Болонья, а потомъ и Венеція находились въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ самомъ невѣроятномъ волненіи вслѣдствіи событій не менѣе невѣроятныхъ.

— Революція?

— Движеніе молодой Италіи?

— Новый приказъ Папы—избавителя?

— Нѣтъ, господа, дѣло идетъ о женщинѣ.

— О женщинѣ?

— Да, если только она не чортъ, чему я очень расположенъ вѣрить.

— Ульрихъ! вы насъ мучите, объясните скорѣе.

— Помните ли вы, господа, молодую мексиканскую вдову маркизу де-Миранда, о которой много было толковъ прошлаго года въ Германіи?

— Чортъ возьми! эта та самая, которую нашъ поэтъ Мозеръ-Гартманъ воспѣлъ своими чудными и страстными стихами подъ именемъ новѣйшей *Афродиты*!

— Ха, ха, ха! какая забавная ошибка!—воскликнулъ одинъ изъ собесѣдниковъ, захохотавъ во все горло,—Мозеръ-Гартманъ... поэтъ исключительно духовный и нравственный, поэтъ цѣломудренный, чистый и холодный какъ дѣвственный снѣгъ, будетъ воспѣвать Афродиту жгучими стихами!! Я слышалъ ихъ, они дѣйствительно прекрасны, но очевидно принадлежать перу другаго какого нибудь Гартмана.

— Увѣряю васъ, мой милый, и Ульрихъ тоже под-

твердить, что эта поэма, которую справедливо ставить на ряду съ лучшими одами Сафо, вышла изъ подъ пера Мозеръ-Гартмана.

— Ничего не можетъ быть справедливѣе—возразилъ Ульрихъ; я слышалъ какъ Мозеръ-Гартманъ самъ читалъ свои стихи... достойные древности.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ вѣрю; но какъ объяснить себѣ это внезапное, непостижимое превращеніе?

— Э! Боже мой! Это превращеніе человѣка, съ талантомъ почтеннымъ, но строгимъ и холоднымъ, въ человѣка гениальнаго, полнаго страсти и слзы, имя котораго теперь гремитъ въ Европѣ... Это превращеніе совершила женщина воспѣтая поэтомъ, имя которой маркиза де-Миранда!

— Мозеръ-Гартманъ такъ преобразился... я бы считалъ это невозможнымъ дѣломъ...

— Ба!..—прервалъ Ульрихъ, маркиза сдѣлала еще и не то... и вотъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ ея фокусовъ, о которомъ мнѣ пишутъ изъ Болоньи. Тамъ былъ одинъ кардиналъ Легать!.. ужасъ и отвращеніе страны.

— Иначе сказать—Орсини, человѣкъ столько же ненавистный, сколько его ненавидѣли.

— Да и съ наружностью вполне отвѣчающей его качествамъ и назначенію; я видѣлъ его въ Ломбардіи... Какое тощее, зловѣщее лицо! Я всегда такимъ представлялъ себѣ типъ инквизитора.

— И вотъ его-то маркиза привезла съ собой на балъ въ Казино, въ костюмѣ и маскѣ кавалера Пандура.

— Кардиналъ Легатъ въ костюмѣ кавалера Пандура!..—вскрикнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Полноте, Ульрихъ, это сказка о синей бородѣ!

— Когда вы прочтете это письмо и взглянете на подпись, то перестанете сомнѣваться, невѣрующіе, возразилъ Ульрихъ.—Да, маркиза привезла съ собой Орсини въ такомъ костюмѣ, потомъ, въ самомъ разгарѣ бала, сорвала съ него маску и громко сказала: «Прощайте, кардиналъ Орсини.» И смѣясь какъ безумная, исчезла, предоставивъ Легата насмѣшкамъ и свисткамъ разъяренной толпы. Онъ, вѣроятно, не избѣжалъ бы опасности, безъ вооруженной силы, которая во-время явилась на помощь ему; на слѣдующее утро Болонья возмущилась, требуя удаленія Орсини, который, послѣ двухъ дней волненія, принужденъ былъ оставить городъ ночью. По отъѣздѣ его, всѣ дома были иллюминированы въ знакъ радости и мнѣ пишутъ, что почти на всѣхъ щитахъ красовался вензель маркизы, въ видѣ двухъ *M*, перекрещенныхъ между собою.

— А сама она, что случилось съ нею?

— Ее больше не видѣли; она уѣхала въ Венецію... сказалъ Ульрихъ, указывая на второе письмо;—тамъ, какъ мнѣ сообщаютъ, она сдѣлала кое что въ другомъ родѣ...

— Какая женщина! Какая удивительная женщина!..

— Въ какомъ она родѣ?

— Вы видѣли ее?

— Нѣтъ...

— И я не видывалъ...

— Ни я тоже...

— Говорять, очень высокаго роста и очень худощавая.

— Мнѣ говорили, что она росту выше обыкновеннаго.

— Вѣрно только то, что она брюнетка, потому что Мозеръ-Гартманъ говорилъ о ея черныхъ глазахъ и черныхъ бровяхъ.

— Все что я могу вамъ сказать, прервалъ Ульрихъ, это то, что въ этомъ письмѣ изъ Венеціи, откуда маркиза только что выѣхала во Францію, мнѣ пишутъ, что эту необыкновенную женщину называютъ поэтическимъ именемъ *блонуэрой здѣзды*... изъ чего можно заключить что она блондинка!

— Но что же она сдѣлала въ Венеціи?

— Право, сказалъ Ульрихъ, это приключеніе принадлежитъ къ нравамъ языческой древности и средне-вѣковой Италіи.

Къ несчастью, для любопытныхъ слушателей Ульриха, внезапный шумъ барабаннаго боя возвѣстилъ о возвращеніи эрцгерцога Леопольда, и всѣ лица свиты его поспѣшили занять свои мѣста для встрѣчи королевскаго высочества.

Дѣйствительно, караулъ Elysée Bourbon, завидя издали быстро приближающуюся карету съ ливреей короля французовъ, закричалъ: «къ оружію!» гвардейскіе солдаты, съ офицеромъ въ главѣ, выстроились и въ ту минуту, когда экипажи въѣзжали одинъ за другимъ въ обширный дворъ Elysée, барабанъ забилъ и войска отдали честь.

Первая карета остановилась у подъѣзда; камеръ лакеи, въ парадной красной ливреѣ, отворивъ дверцы,